

Наталья Курчатова

Наталья Курчатова – поэт и прозаик. Родилась в 1977 г. в Ленинграде. Окончила факультет журналистики СПбГУ. Корреспондент журналов «Эксперт», «TimeOut», портала «Fontanka.ru» и других. Автор романа «Лето по Даниилу Андреевичу» и «Сад запертый» (в соавторстве с Ксенией Венглинской), многочисленных рассказов и критических статей. За последнее время стихи опубликованы в сборниках «Живи, Донбасс!» и «Воскресшие на Третьей мировой». Сейчас работает репортёром и корреспондентом в зоне СВО, живёт в г. Донецке.

Стихи 2023 года

Морозный день. И трещины в стекле,
Как будто трещины в зиме оледенелой.
Ракета прилетает; на игле
Всё крутится старинный вальс замшелый,
Обросший мхами там, где мхи растут,
На севере покинутом и милым.
А здесь – огонь и сотворенье рук
Над зевом проникающим.
Могилы?
О нет, утроба этих жутких ран,
И животов разверстых, и постелей
Нам говорит: рождается титан.
Рождается народ – как он умеет.

Расскажи, как цветёт виноград
На границе падения света,
Где отчаянных избранный ряд
Совершает свой подвиг бесследный.

Расскажи, как стояли полки,
Расскажи, как они умирали,
Как в столице гуляли и жгли
Жизнь и деньги в последние мая.

О, мне многое вам рассказать
Неизбежно когда-то придётся

Тем, кто выбрал – не жить, подождать,
Перекидываясь и – на отлёте
Задевая горячий простор,
Задевая кровавую рану
Пустотелой, пустой, холостой,
Холощёной – и нет больше срама,
Чем примазаться к тем, кто упал, –
Никогда не вкусив чернозёма,
Что скрипит и горчит на губах,
Как письмо из остывшего дома.

Расскажи, как цветёт виноград,
Как в саду обещает закланье
Той лозы, от которой солдат
Принимает причастие ранним
Утром боя и утром смертей,
Что ложатся в ту жирную землю...
Новостей, новостей, новостей –
Лучше новости нету, что жив он.

Военфельдшеру Игле

Грязная одежда, чистое бельё –
Вот и всё, что скажут в оправдание моё,
Коль в «буханке» фельдшерской будут разрезать.
На комке, шевроном – Богомать.

Фельдшерица кинет перевязочный пакет
Стороной кровавой – в белый свет.
Рассечёт штанины и чистое бельё,
Ну а дальше – всё, что есть, моё.

Распростёрт носилками, закреплён ремнём.
Лик печальный девичий – не о том.
Было бы неловко мне перед ним лежать.
Глядь – ко мне склоняется
Богомать.

Мои друзья идут по жизни маршем,
а остановки там – после ранений,
В больничный корпус поднимаясь
И не зная,
Кого увидишь,
и невольно замираешь
перед палатой,
что там, жизнь или сраженье
со смертью?

Как изуродован? Идёт или лежит?
Узнает или просто прокричит;
а если ходит – то пойдём закурим
на чёрной лестнице
и обо всём поговорим.

Где угол зла, как ты его берёшь,
Кого ты любишь из осьмнадцатого века
И кто в разведку в крайний раз уйдёт,
Не ожидая подкрепленья и ночлега.

Здесь жизнь и смерть в окровленных бинтах
И здесь – любовь: а застегни живот мне;
Живот защит, застёгиваешь куртку
И на ступенях вытянешь впотьмах –

одну, другую, ту ли сигарету
пока сестра торопится узнать, что не в порядке.
Но, открыв коробку,
Ей молча предлагаешь папиросу;
Она – сестра, а ты – наверно, тоже.
И мы сидим дымим, мы так похожи,
Донецка, Питера или Москвы –
Сестрицы всей России таковы.

А наши братья – белые, в бинтах,
Стоят напротив,
И никто из нас
Не скажет им присесть хоть на ступеньку.
Мы этим оскорбили бы бойца,
что жизнь нам отдавал, а не копейку.

– Я не могу тебя, как женщину, отправить –
туда, где нам пристало, не тебе...
– Я женщин не сужу из тех же правил,
что и товарищей... но то не значит, что
Я не люблю, не доверяю я тебе.

И как теперь?
Мы вместе в общей боли.
Как на иконе – венчаных страстей.
Таких мужей земля рождает, в воле –
Чтоб сёстры не жили,
А женщины несли от них детей.

Сосед

Старый шахтёр, сосед, говорит: по ночам мне страшно.
Раньше с гранатой спал.
На случай, если зайдут эти.
Чтоб – и себя, и их.
Потом развинтил и выкинул –
когда поверил, что не зайдут.
Теперь, когда сильно лупят, он берёт в кровать кошку.
В доме пусто – жену вывез к детям, в Ростовскую.
Там пока безопасно.
Но завтра жена приедет.
Он говорит о ней: «Приедет любимая».
Его любимой – шестой десяток,
она полная, широкоскулая.
Она мордвинка.
Он местный.
Можно сказать, хохол.
Но гранату развинтил – когда «Россия напала».
Спрашивает: «Тебе не страшно?»
«Иногда», – признаюсь.
«Правильно. Только дурак не боится».
«Или человек без воображения», – думаю про себя.
У меня здесь стало худо с воображением.
Чего ни вообрази – жизнь переплюнет.
Сосед сворачивает в свою улицу.
В её конце – слышно – ложится снаряд.
«Мне туда», – говорит с тоскою.
«Мне хорошо. У меня есть кошка.
Ты заведи тоже. А лучше – выходи замуж».
Я смеюсь. Он машет рукой, улыбается,
на лице движется дублёная кожа.
Глаза подведены угольной пылью.
Столько лет прошло, и рудник разгрохали,
а до сих пор не смылась.

Филиппову

На малой этой на земле
Всё больше у меня соседей
С земли большой.
О ком-то знаю только имя
И позывной.

В иных краях и не бывала,
И города
Большой России знаю только
По их следам:
Вот Тула, Кострома, Калуга,
Новосибирск.
Вот Мурманск и Улан-Удэ.
Казань и Бийск.

Но вышло так, со мною рядом
Среди дончан
Стоит наш полк, наш Ленинградский –
И ополчан
Его знакомы позывные,
Как на сетчатке
Родных кварталов стройный план;
Как отпечаток
Небесной линии Петра:
Вот крепость,
За ней – Васильевский,
а там – учёный север:
Военный Мед и Политех.
А дальше, к югу –
узоры Царского Села,
И там, по кругу –

Ораниенбаум, Петергоф,
Златая Стрельна,
И будто слышен звон подков,
И всадник – стрельнет,
Слегка склонившись из седла,
Как на манеже.

Империя, восстав из зла,
Не будет прежней;
Но будет то, что сохранит
Её от мрака:
Какой-то парень, что ушёл,
Обняв собаку,
Жену целуя и детей
В залог надежды,
Что та империя, за ним –
Не будет прежней.

Юг и Север

Энею

У русских испанцев глаза горячи.
Они – как металл в точке плавки.
Один из них на меня кричит:
встань за спину, ты, малявка!

Встань за спину: наш партизанский край
охвачен огнём реконкисты.
Тебе не пристало здесь умирать,
тебе, чьи глаза искристы,

как лёд на припае береговом,
нежны, как цветок незабудки.
Мы сами наш край пройдем, огнём
очистив от скверны жуткой.

У русских нормандцев глаза холодны,
мечтательны, словно небо
над русским полем;
стальным дождём
они проливаются – где бы
ни вышел враг на родной рубеж:
в степи, на болотах, в море.
Мы добрые люди; скорбим обо всех.
О своих же скорбеть не стоит.

За них мы молча идём в поход
Звенит на морозе знамя:
Грозного Спаса;
очи Его
пламенны – наш испанец.

Пасхальное

Ночь сквозь ветер смотрит на цвет земли;
Абрикосы вспыхнули и сошли;
Вишни словно ангелы на ветру –
сыплют перьями.
«Я не умру», –

Шепчет в красном платке вдова.
Под обстрелом бывала – не раз, не два,
Живый в помощи – и хранит
Он, пока разряд грозовой бежит.

Двор церковный тих, даже ветер стих,
И поют полуночный первый стих.
Ручка торопливо скребёт листы:
Пять имён, и десять,
А там и ты.
Вот все имена унесли в алтарь
Постучался в небо молодой звонарь.
Ручейком огня – люди,
А меня?
Не забудь меня в новом свете дня.

Помолитесь, отче,
За тех, кто смел
Встать в защиту и – посмотреть в прицел.
Кто взял грех, чтоб мы – избегли его.
Помяните всех, словно одного.

А ещё скажите за тех словцо,
Кто врагу и другу открыл лицо.
Кто годами жив – как живая мишень.
Помощь Вышнего им – это новый день.

Помяните, отче,
Моих друзей,
От кого неделями нет вестей.
Может, словом вашим храните их.
А за мёртвых тоже – как за живых.

Красный плат. Красивая.
Как сестра за брата –
умоляет вдова за всякого солдата.
Он вернётся – не зная, кем
вырван из-под смерти, когда обстрел.

Алых риз погаснет узор золотой,
Белые цветы опадут во прах.
...кто же, батюшка, молится за Того,
Кто в атаке жаркой прикрыл его?
Чьим оружием стала – любовь, не страх,
У Кого жизнь наша – пленцом в руках?